

Глава 16

Политическая культура

Несмотря на очевидную значимость политической культуры для понимания мира политического, в нашей обществоведческой литературе она еще не получила должного освещения. В настоящее время существует самый широкий спектр мнений и позиций в трактовке понятия "политическая культура". Нередко ее отождествляют с образовательным и культурным уровнем человека, его способностью соответствующим образом вести себя на публике, умением четко и ясно излагать свои политические позиции и т.д. Иногда можно услышать, что у такого-то нет политической культуры, у другого высокий или низкий уровень политической культуры. Некоторые полагают, что политическая культура может быть только у образованных людей, а у людей с низким уровнем образования ее нет. Ее часто путают с политической системой и политическим поведением. В настоящее время определений политической культуры насчитывается несколько десятков. Это объяснимо, если учесть сложность и многовариантность проблемы, невозможность ее сведения к какому-либо четко очерченному, раз и навсегда установившемуся феномену. Что же такое политическая культура? Попытаемся ответить на этот вопрос.

16.1. Возникновение концепции политической культуры

Первая попытка сформулировать концепцию политической культуры была предпринята в статье известного американского политолога Г.Алмонда "Сравнительные политические системы" [86]. Дальнейшую разработку эта концепция получила в книге Г.Алмонда и С.Вербы "Гражданская культура" (или "Культура гражданственности") [84]. Важным этапом в формировании и утверждении концепции политической культуры стало появление книги "Политическая культура и политическое развитие", в которой была предпринята попытка определения и сравнения политических культур 13 стран [142].

Во второй половине 60-х — 70-е годы концепция политической культуры была взята на вооружение такими известными американскими социологами и политологами, как В.Ки, Р.Маркрис, В.Нойман, Д.Марвик и др. Возникнув в США, в последующем эта концепция получила популярность и в других странах, а затем стала одним из важнейших инструментов исследования политических процессов и явлений. К настоящему времени появилось множество работ, посвященных различным аспектам политической культуры отдельных стран и регионов. Оценивая значение разработки рассматриваемого подхода, нельзя представлять дело таким образом, что в политологических исследованиях предшествующего периода полностью игнорировались те аспекты, приемы, идеи, которые легли в основу концепции политической культуры. У английского политолога Д.Кэвенга, по-видимому, были основания утверждать, что политическая культура — это новый термин для старой идеи. И действительно, в политических исследованиях осознанно или неосознанно использовались элементы культуры и духа, умонастроения, ценности и т.д., оказывающие влияние на формирование поведения людей в политической сфере. Например, уже Аристотель говорил о состоянии умов, которое могло повлиять на стабильность общества или его изменение; А. де Токвиль подчеркивал значение политических ценностей и настроений в обеспечении стабильности или изменения общества; М.Вебер придавал важное значение религии и ценностям в формировании и функционировании политических структур.

Заслуга сторонников политико-культурного подхода состояла в том, что они предприняли попытку поставить в центр политологических исследований человека с его заботами, интересами, эмоциями, стереотипами, мифами. При этом они исходили из того, что выявление средств и механизмов достижения политической стабильности и общественно-политического развития должно включать не только изучение различных форм правления и конституционно-правовых систем и норм, но и анализ глубинных эмоциональных и социально-психологических связей между членами политических общностей и формами правления, а также выявление связей, содействующих и, наоборот, препятствующих национальному развитию и достижению общественной стабильности. Предпосылки для массового изучения этих связей были созданы так называемой бихевиористской революцией, развернувшейся в политической науке США в 50-е годы. Если традиционная политическая наука ограничивалась изучением формальной Институциональной структуры государства, то введение бихевиористских методов в политическую науку открыло возможности для исследования более широкого спектра

общественных отношений и их связей с государством. В политическую науку были внесены заимствованные из естественных наук модели и методы исследований. Заслуга бихевиористов состояла в том, что они пытались не только использовать эти модели и методы для выявления количественных параметров социальных и политических феноменов, но и смотреть на эти феномены с позиции индивидуального избирателя или участника политического процесса. Бихевиоризм имплицитно включал в себя постулат о том, что если раскрыть мотивы, намерения отдельных индивидов в политическом процессе, то можно правильно понять и политическую систему в целом, в которой они действуют.

Для выполнения этой задачи были установлены тесные междисциплинарные связи политической науки с другими общественными науками (культурной антропологией, психологией, социологией, историей). Политическая наука оказалась на перекрестке "междисциплинарного" движения, охватившего почти все общественные науки. Она получила благоприятные возможности для всестороннего исследования массовых движений и широких социальных процессов, которые традиционной политологией либо отодвигались на задний план, либо вовсе игнорировались.

Важное значение в возникновении после второй мировой войны политико-культурного подхода имело проникновение в политическую науку различных концепций культуры и культурной антропологии. В данном отношении предшественниками концепции политической культуры можно считать известных антропологов и культурологов К.Клакхона, А.Кребера, Б.Малиновского и др. Все чаще стали предприниматься попытки рассматривать политические феномены в культурных, социокультурных и социально-психологических терминах.

В целом политико-культурный подход представляет собой попытку преодолеть формально-юридический подход к политике. Как считали Г.Алмонд и другие политологи, традиционный подход к политике в терминах исследования государственно-правовых институтов не позволяет определить, почему одинаковые по своей форме социально-политические институты действуют по-разному в разных странах или же почему те или иные институты оказываются дееспособными в одних странах и совершенно неприемлемыми для других стран. Они ставили своей целью разработать комплексный подход, базирующийся на органическом соединении эмпирического и теоретического, микро- и макроуровневого аспектов исследования. С этой точки зрения политико-культурный подход представляет собой попытку интегрировать социологию, культурную антропологию, социальную психологию в единую политологическую дисциплину. Он призван соединить исследование формальных и неформальных компонентов политических систем с анализом национальной политической психологии, политической идеологии и т.д.

16.2. Что такое политическое сознание?

При любой попытке вычленения политической культуры, анализа ее основных параметров и составляющих, определения места и роли в подсистеме политического неизменно встает вопрос о ее соотношении с общественным сознанием вообще и политическим сознанием в частности. Без надлежащего выяснения этого вопроса адекватный анализ политической культуры как самостоятельного феномена, играющего свою роль в обществе, представляется, пожалуй, невозможным. Дело в том, что при обилии литературы по данной теме вопрос о политическом сознании остается одним из наименее выясненных. Часто, говоря о политическом сознании, подразумевают общественное сознание вообще, либо политическую идеологию, либо то или иное идейно-политическое течение. Нередко говорят о политической культуре, но имеют в виду то, что традиционно рассматривается как политическое сознание. Поэтому, прежде чем приступить к анализу собственно политической культуры, необходимо разобраться, как она соотносится с традиционными в нашей литературе понятиями "общественное сознание" и "политическое сознание".

Не вдаваясь в детали данной проблемы, отметим, что политическое сознание обычно рассматривается как одна из множества форм общественного сознания. Если согласиться с этим, то нельзя не признать, что сердцевину политического сознания составляют установки, ориентации, ценности, стереотипы и т.д., относящиеся к политической системе, к системе власти и властных отношений, государственному управлению, политическим институтам, к таким категориям, как свобода, справедливость, равенство, демократические принципы, авторитаризм, тоталитаризм, социализм, права человека и т.д.

Содержание и смысл общественного сознания раскрываются через деятельность людей, их отношение к окружающему миру. При этом обнаруживается, что устойчивые образования — мотивы, оценки, потребности, интересы, социальные ожидания и притязания — относятся

прежде всего к социокультурной и политико-культурной сферам. Их можно отнести и к политическому сознанию, разумеется, если возникнет необходимость его вычленения как самостоятельного образования. Но все же необходимо учесть, что субъективный мир политического помимо установок, ориентации, ценностей и т.д., относящихся к миру политики и включаемых, как правило, в политическое сознание, охватывает и такие компоненты, как нормы и правила игры, поведенческие стереотипы, вербальные реакции, политическую символику и знаковую систему, выражаемые не только словесно, но и иными средствами и формами. Политико-культурный под. ход как раз призван учитывать эти моменты. Понятия "духовная жизнь общества" и "общественное сознание" часто использовались как синонимы. Так, в "Философской энциклопедии", в частности, говорится [71, с. 43]:

При социологическом подходе сознание рассматривается прежде всего как духовная жизнь общества в совокупности всех ее форм (наука, философия, искусство, нравственность, религия, правосознание, социальная психология).

Однако духовная жизнь общества значительно шире общественного сознания. Показывая методологическую несостоятельность сведения духовной жизни к функционирующему общественному сознанию, А.К.Уледов с полным основанием писал [68, с. 21]:

Духовная жизнь (как и политическая, семейно-бытовая и т. п.) -это жизнь людей, связанная с удовлетворением их духовных потребностей, с производством сознания, являющимся одним из важнейших видов общественного производства, с духовным общением и т.д., т.е. она отнюдь не сводится к функционирующему общественному сознанию. Идеи, взгляды, представления и другие духовные образования, взятые в их движении, изменении и развитии, составляют лишь одну из сторон духовной жизни.

Что именно в живописи, музыке, танцевальном искусстве и т.д. относится к сознанию, а что к духовной жизни, духовному производству или духовной культуре? Ответ на этот вопрос не дают работы, посвященные искусству как форме общественного сознания. Здесь можно найти лишь пространные рассуждения о гносеологических факторах возникновения и в лучшем случае исторический обзор возникновения и эволюции искусства как особого общественного феномена, составляющего один из краеугольных компонентов духовной культуры. Любые формулировки, определяющие искусство как форму общественного сознания и способ духовно-практического освоения мира, должны в то же время отражать тот факт, что в обоих своих качествах оно прежде всего является органической составляющей духовной культуры. А сознание, равно как и язык, символика, музыкальные или иные формы, представляет собой средство воспроизводства, творения, познания и трансмиссии искусства.

Что касается морали, морального или нравственного, то, с одной стороны, это сфера духовного и волевого вообще, противостоящая телесно-материальному, физическому, а с другой — сфера человеческого поведения, нравов, обычаев и т.д. Мораль включает всю совокупность нравственных отношений, нравственную деятельность, регулирующие их нравственные нормы, традиции, обычаи и т.д. Нормы можно определить как исторически сложившиеся в данной социокультурной среде стандарты деятельности и поведения людей, посредством которых они подчиняются определенному социальному целому.

Тесно связанный с нравственными нормами обычай — это древнейшая форма хранения и трансмиссии социокультурного опыта от поколения к поколению и играет немаловажную роль в жизнедеятельности людей. В отличие от предметной стороны социальной культуры — орудий труда, продуктов материального и духовного производства — обычай представляет собой элемент деятельной ее стороны, которая включает нормы общественно-политической жизни, нормы взаимоотношений между людьми, общепризнанные нормы поведения людей, легитимизировавшиеся силой массовой привычки, традиции и общественного мнения.

Из сказанного можно сделать вывод, что все названные и другие основополагающие феномены и категории адекватно можно понять лишь в том случае, если рассматривать их как компоненты не только и не столько общественного сознания, сколько культуры, общей для данной нации или другой социально-исторической общности. Сознание, в том числе и общественное в различных его проявлениях, — это одновременно и процесс, и результат познания и освоения действительности. А что же такое "культура"? На этот вопрос ответить далеко не просто. Еще в

1952 г. известные культурантропологи К.Клакхон и А.Кребер выявили и проанализировали 167 определений культуры. С тех пор их количество увеличилось.

В различных определениях в разных сочетаниях используются выражения типа: "жизненные установки", "типы или формы поведения", "типы ориентации" и т.д. Говорят также, что культура детерминирует, определяет, обуславливает, регулирует, оказывает влияние и т.д. Здесь важно понять, что культура представляет собой инфраструктуру, социально-историческую среду обитания, жизнедеятельности и воспроизводства человека. В ней человек ищет свое отражение, в ней он идентифицирует себя с себе подобными и, собственно говоря, узнает себя. Будучи формой бытия человека, культура в равной мере относится и к существованию человека. Можно сказать, что культура — базис суверенного бытия людей. А.Я.Гуревич пишет [25, с. 11]:

Мир культуры образует в данном обществе в данную историческую эпоху некую глобальность — это как бы гот воздух, которым дышат члены общества, та невидимая всеобъемлющая среда, в которую они погружены.

В нашем контексте национальная культура составляет для ее носителей объективную реальность. Но эта объективность имеет субъективное происхождение, поскольку, хотя культура и предшествует человеку, человек есть и всегда остается актуальным началом культуры. Будучи выражением коллективного Я определенного сообщества людей, культура включает в себя образ жизни народа, структуру и уровень материальных и духовных интересов и потребностей людей, уровень образования и состояние просвещения, системы нравственных норм поведения и т.д.

При таком понимании очевидно, что общественное сознание является интегрирующим компонентом социокультурной системы, что она составляет основополагающую ткань духовной культуры, обеспечивающей ее воспроизводство и трансмиссию от поколения к поколению. По аналогии можно сказать, что политическое сознание, выделенное в качестве самостоятельной категории, функционирует и самовоспроизводится в определенной политико-культурной среде. Вместе с тем оно есть и условие, и одновременно средство воспроизводства политической культуры.

16.3. Политическая социализация

Человек как член конкретного общества проходит процесс социализации не только в социокультурной, но и политико-культурной среде. Еще в 430 г. до н.э. Перикл утверждал: "Лишь немногие могут творить политику, но судить о ней могут все". Это действительно так, потому что мир политического в тех или иных форме и степени затрагивает всех и каждого члена общества. Поэтому люди должны иметь хотя бы самые общие представления о мире политического и механизмах его функционирования, о том, в чьих руках находятся бразды правления страной, регионом, городом, кто принимает решения, кто несет ответственность за их выполнение и т.д. Осваивая и интегрируя в себя господствующую в данном обществе политическую культуру, отдельный человек включается в многогранный и динамический процесс властных отношений, совершает акт самовоспроизводства себя как политико-культурного существа.

В этом смысле можно говорить о политической социализации людей. В целом под политической социализацией понимается процесс интегрирования и освоения отдельным человеком как членом определенного общества и гражданином государства основных элементов соответствующей политической культуры. В этом процессе принимают участие семья, школа, вузы, общины, добровольные организации, трудовые коллективы, средства массовой информации, политические партии, государственные учреждения и т.д. Можно говорить об узком и широком понимании политической социализации. В узком понимании — это сознательное и целенаправленное внедрение политических ценностей, убеждений, навыков. Данную задачу выполняют в основном официальные и полуофициальные учреждения, институты, организации. Их цель — создание благоприятных условий для принятия людьми господствующего социального порядка и его ценностей, общей картины мира, адаптации к ее экономическим, политическим, военным потребностям и неприятия альтернативных социальных порядков. Школы и другие учебные заведения функционируют как агенты господствующих социальных, экономических и политических сил. Они отражают институты и социальные отношения общества, выполняя функции воспроизводства и усиления

социальных отношений, включая производство и потребление, их передачу от поколения к поколению.

В широком смысле политическая социализация — это вся система политического обучения — как формального, так и неформального, целенаправленного и непредусмотренного — на всех этапах жизненного цикла человека, включая не только сугубо политическое, но и неполитическое обучение, которое сказывается на политическом поведении и политических установках.

Среди политологов распространено мнение, что знания о мире политического у людей начинают формироваться уже в детском возрасте. Но согласно позиции известного швейцарского детского психолога Ж.Пиаже, дети до одиннадцатилетнего возраста не обладают концептуальными навыками (или способностью к логическим, абстрактным рассуждениям) каким-то образом связывать свое положение с политическими феноменами, они вообще не думают о политике. В этом плане для детей характерен эгоцентризм, и их рассуждения не выходят за пределы непосредственного, конкретного, личного. Действительно, относительно политических реальностей, государства и властных отношений у детей младшего школьного возраста прослеживаются весьма смутные и путанные представления об основах политической власти и путях ее завоевания взрослыми, о механизмах формирования политики правительства, участниках политического процесса и т.д.

Но тем не менее, по данным многих исследований, уже в этом возрасте дети получают определенные знания о политических реальностях и по-своему осваивают их с помощью персонификации этих реальностей. В частности, они узнают о существовании например, властных отношений, сталкиваясь с местным полицейским, получая информацию из средств массовой информации и разговоров окружающих и родителей о короле, президенте, премьер-министре, губернаторе и т.д. Результаты исследований свидетельствуют, что, например, в Великобритании и США к двенадцати годам 2/3 детей имеют более или менее четко высказываемые установки, симпатии, антипатии в отношении отдельных политических деятелей и партий. Но они еще носят поверхностный характер и во многом являются отражением позиций родителей, родственников, соседей. При этом выбор ими политической партии редко сказывается на базовых приверженностях стране, политической системе, законопослушности, национальным символам и ритуалам. Дети еще не имеют представления о том, чем партии отличаются друг от друга. Для них партии практически не имеют идеологического значения. Зачастую партии отождествляются с известными кандидатами, политическими и государственными деятелями. Но уже в возрасте 8—9 лет дети высказывают растущую тенденцию приписывать большие достоинства "своей" партии и ее деятелям. Как показывает Б.Стейси, для детей выборы — весьма важные события. По мере взросления они начинают рассматривать голосование как центральную характеристику системы управления. Можно сказать, что ранние партийные симпатии детей кристаллизуются в периоды избирательных кампаний, в атмосфере возрастающего их освещения в средствах массовой информации, политических дискуссий дома, среди соседей, сверстников и т.д. Поэтому не удивительно, что большинство детей, как правило, проявляет чувства патриотизма и лояльности к правительству и политическим деятелям страны, а это создает предпосылки для формирования в зрелом возрасте лояльности по отношению к существующей системе. В целом каждый член общества в процессе социализации и взросления формируется как социально-культурное существо, и в этом качестве он усваивает и интегрирует в себя политическую культуру или отдельные ее компоненты. С этой точки зрения каждый человек является носителем политической культуры в той мере, в какой он социализируется в условиях данной конкретной социальной общности, и в данном контексте политическая культура составляет интегральную часть социокультурной системы.

Следует отметить, что политическая социализация отнюдь не завершается по достижении человеком зрелого возраста. Этот процесс по сути дела бесконечен и продолжается в течение всей его жизни. Особенно глубоким изменениям политическая культура подвергается в периоды войн и кризисов, экстремальных и аномальных явлений в жизни стран и народов, каковыми можно считать восхождение и господство в соответствующих странах фашизма, нацизма и большевизма, а также в периоды глубоких трансформаций, подобных тем, которые после краха тоталитаризма в настоящее время переживаем мы на всем пространстве бывшего СССР и бывшего социалистического содружества.

16.4. Составные элементы политической культуры

Политическая культура — это система отношений и одновременно процесс производства и воспроизводства составляющих его элементов в ряде сменяющих друг друга поколений. Это динамическая, развивающаяся, постоянно обогащающаяся историей в своем содержании и формах система, чутко реагирующая на изменения в реалиях окружающего мира, будь то промышленная, научно-техническая, компьютерная, информационная или иная революция. Особенность политической культуры состоит в том, что она неразрывно связана с человеческой субъективностью и представляет собой своего рода "субъективный объект". В узком понимании она составляет не политику или политический процесс в их реальном воплощении, а комплекс представлений той или иной национальной или социально-политической общности о мире политики, политического, законах и правилах их функционирования. Обычно в политической сфере значимость приобретают не только реальные действия и меры правительства или государства, тех или иных общественно-политических образований, но и то, как они оцениваются и воспринимаются, в каком контексте они подаются и т.д. Формы их реализации, принятие или неприятие подавляющим большинством населения во многом обуславливаются основными характеристиками политической культуры.

Политическая культура включает в себя те элементы и феномены общественного сознания и в более широком плане духовной культуры, которые связаны с общественно-политическими институтами и политическими процессами и оказывают значительное влияние на формы, формирование, функционирование и развитие государственных и политических институтов, придают значимость и направление политическому процессу в целом и политическому поведению широких масс населения в частности. Политическая культура составляет в некотором роде этос, или дух, который одушевляет формальные политические институты. Вслед за Г.Алмондом и С.Вербой вполне обоснованно можно сказать: "Мы говорим о политической культуре точно так же, как мы можем говорить об экономической культуре или религиозной культуре".

Подобно тому, как культура определяет и предписывает те или иные формы и правила поведения в различных сферах жизни и жизненных ситуациях, политическая культура определяет и предписывает нормы поведения и правила игры в политической сфере. Политическая культура дает отдельному человеку руководящие принципы политического поведения, политические нормы и идеалы, а коллективу — "систематическую структуру ценностей и рациональных доводов", обеспечивая единство и взаимодействие институтов и организаций, придавая целостность и интегрированность политической сфере так же, как общенациональная культура придает целостность и интегрированность общественной жизни в целом. основополагающие ценности политической культуры имеют первостепенное значение для жизнеспособности и сохранения преемственности в любой общественно-политической системе, поскольку их задача состоит в формировании приверженностей данной системе. Нормы служат цели интегрирования социальных систем. Они включают в себя не только ценностные компоненты, но и особые формы ориентации людей в определенных функциональных и ситуационных условиях.

Политическую культуру можно правильно понять лишь в том случае, если рассматривать ее как часть общенациональной культуры. Соглашаясь с К.Гиртцем в том, что культура — это некая структура определенной совокупности значений, с помощью которых люди формируют свой опыт, и исходя из того, что политика представляет собой одну из главных публичных сфер, в которых раскрываются эти значения, можно выделить значения, имеющие отношение к миру политики. Значения, составляющие политическую культуру, тесно связаны с общенациональной культурой, социокультурными, национально-историческими, религиозными, национально-психологическими традициями, обычаями, стереотипами, мифами, установками и т.д. Фундаментальные компоненты национальной культуры оказывают большое влияние на формирование системы политических убеждений и политической культуры в целом. В качестве составных элементов политическая культура включает в себя формировавшиеся в течение многих десятилетий и поколений политические традиции, действующие нормы политической практики, идеи, концепции и убеждения о взаимоотношениях между различными общественно-политическими институтами и т.д. Она включает определенные ориентации и установки людей в отношении существующей системы в целом, составляющих ее институтов и важнейших "правил игры", принципов взаимоотношений отдельного человека, общества и государства. Эти компоненты, обусловленные социально-экономическими, национально-культурными, общественно-историческими и другими долговременными факторами,

характеризуются относительной устойчивостью, живучестью и постоянством, медленно поддаются изменениям в процессе глубоких сдвигов в общественном бытии.

Политическую культуру можно определить как ценностно-нормативную систему, которая разделяется большинством населения в качестве субъекта политического сообщества.

Политическая культура, как отмечает американский политолог Д. Дивайн, это "историческая система широко распространенных, фундаментальных поведенческих политических ценностей", которых придерживаются члены данной общественно-политической системы. Она охватывает как политические идеи, ценности, установки, так и действующие нормы политической практики и предполагает изучение таких категорий, как политическая идеология, легитимность, суверенитет, правление закона и т.д. Политическая культура в определенном смысле предоставляет некие рамки, в пределах которых члены общества принимают законность существующей формы правления, чувствуют себя политически дееспособными, выражают согласие с действующими правилами игры. Эти рамки сами по себе также составляют важнейший компонент политической культуры.

Цементирующим элементом политической культуры следует считать политическое мировоззрение, составляющее часть общего мировоззрения отдельного человека, отдельной группы или иной социальной общности. Большое влияние на характер политических ориентации, симпатий и антипатий людей оказывают господствующая в обществе система мировоззренческих позиций и ценностно-нормативных установок, фундаментальные взгляды на человека, общество и мир в целом. Как соотносятся политическая культура и другие компоненты мира политического, прежде всего политическая система? При поисках ответа на этот вопрос необходимо исходить из того, что политические институты, будучи творениями культуры народа оказывают значительное влияние на содержание и проявление культуры.

Между политическим поведением и политической культурой существует тесная связь. Более того, политическая культура реализуется через политическое поведение.

Хотя политическая система и политическая культура составляют самостоятельные подсистемы мира политического, тем не менее провести между ними линию разграничения весьма трудно. Они взаимно влияют друг на друга, переплетаются и не могут существовать друг без друга.

Например, либерально-демократическая система характеризуется социальным плюрализмом, т.е. наличием в обществе множества социальных групп и слоев, организаций, объединений, заинтересованных групп, религиозных, профессиональных, молодежных и иных ассоциаций, клубов, отстаивающих свои интересы во взаимных конфликтах и сотрудничестве друг с другом. Политический плюрализм проявляется в наличии множества партий и институтов, в существовании разных идейно-политических ориентации, установок, идеологических течений и направлений и т.д. Причем социальный плюрализм поддерживает и стимулирует политический плюрализм и наоборот.

Правильно понять эти проблемы можно лишь в том случае, если рассматривать политическую культуру не как основной детерминирующий фактор партийно-политических отношений и процессов, а как опосредующее звено между социально-экономическими интересами, базовыми потребностями, социальным статусом, морально-этическими нормами и т.д. отдельного человека, социальных групп, классов, вовлеченных в политический процесс, с одной стороны, и их политическим поведением — с другой. Воздействие на практические дела не означает их детерминацию. Иначе говоря, политическая культура способствует формированию определенных типов политического поведения, она придает ему определенную направленность в тенденции, но не является детерминирующим фактором в последней инстанции. Дело в том, что решение избирателей голосовать за ту или иную партию или конкретного кандидата зависит от множества факторов, среди которых социальная структура и политическая система, состояние экономики, просто конъюнктурные факторы, сиюминутные внутри- и внешнеэкономические и внешнеполитические условия и т.д. Часто общность быта и уклада жизни, непосредственность впечатлений сами по себе могут служить факторами стандартизации дознания, формирования разного рода иллюзий, типологически родственных представлений.

Одним из важнейших факторов формирования, утверждения и жизнеспособности политической культуры является легитимность существующей системы и действующего в каждый данный период политического режима. Лорд Брайс говорил, что даже Римская империя основывалась не столько на силе, сколько на согласии и доброй воле ее подданных. Более того, в системе ценностей, ориентации, установок, стереотипов, составляющих политическую культуру, центральное место занимают элементы, способствующие формированию и сохранению политической системы. Количество позитивных ценностей, разделяемых всеми членами общества, определяет степень консенсуса между его отдельными компонентами, его стабильность и жизнеспособность.

Вместе с тем было бы неправомерно рассматривать политическую культуру как систему только широко разделяемых в обществе ценностей, убеждений и символов, ограничивать ее лишь позитивными установками по отношению к существующей политической системе, как это делает ряд политологов, игнорируя политические убеждения, установки и ценности, присущие тем или иным социальным группам, выступающим за изменение существующей ситуации. Часто сам факт, что они не разделяются большинством членов общества, может служить важным показателем сущности и тенденций развития политической культуры и политической системы в целом. Поэтому важное значение имеет также выявление расхождений в политических убеждениях различных групп в рамках каждой политической системы. В противном случае совершенно невозможно было бы объяснить такие важнейшие явления, как левый и правый варианты радикализма, которые выступали и в наши дни продолжают выступать за изменение существующего там положения.

Человеческая деятельность, требующая совместных коллективных усилий, предполагает соответствующую организацию и Координацию этих усилий как на индивидуальном уровне, так и в масштабах всего общества. Г.Алмонд и С.Верба показали, что Межличностное доверие является необходимым условием формирования вторичных ассоциаций, которые в любой демократической системе имеют важное значение для эффективного политического участия, и условием формирования демократических правил игры. Например, важно оценивать оппозицию как лояльную, которая в случае прихода к власти не будет преследовать своих противников и способна управлять страной, оставаясь в рамках закона. В правовом государстве жизнеспособность юридическо-правовой системы и подчинение ей подавляющего большинства населения связаны в большей степени с уважением к закону, чем страхом применения санкций. Если такое уважение потеряно, презумпции справедливости закона брошен вызов.

16.5. Политическая символика

Неотъемлемой частью формирования, фиксации и воспроизводства идентичности любой нации и государства как социокультурной и политической общности являются национально-государственные символы и идеалы. Они выступают своеобразными связующими элементами политической культуры. Символ представляет собой концентрированное зримое выражение основной идеи явления или понятия, основанное на структурном сходстве с ним. Одной из форм символа является эмблема. Выдающийся русский философ А.Ф.Лосев относил к эмблемам и государственную символику. Для того чтобы постичь заложенную в символе идею, требуется активная работа ума воспринимающего субъекта. Символ одновременно является специфическим средством общения между людьми, он помогает определять их принадлежность к конкретной социальной общности, усваивать пронизывающую эту общность центральную идею и т.д.

Символы можно изображать условно-графически (христианский крест, серп и молот, нацистская свастика и т.д.), человеческими или иными фигурами (Марианна во Франции, Джон Буль в Англии, дядя Сэм в США, медведь в России, страус в Австралии и т.д.). Такие символы, как, например, флаг страны или сигнальный свет, имеют значение не сами по себе, а лишь в качестве средства выражения связи с обществом или действиями людей. Комплексные системы типа речи, письма или математических знаков — это тоже символы, поскольку и звуки, и знаки обладают значимостью только для тех, кто умеет их "читать", расшифровывать их смысл. На поведение людей часто гораздо более сильное влияние могут оказать не столько сами действия правительства, политических партий и деятелей, сколько господствующая в обществе система символики, ориентирующая людей на конкретный тип социальных отношений. Сами по себе символы, не связанные с реальной действительностью, с центральной идеей, господствующей в общественном сознании, не могут правильно объяснить подлинные механизмы и мотивы, которые определяют и регулируют поведение отдельных индивидов и социально-политических группировок. Общий язык символики свидетельствует о единстве политической культуры данного общества.

Как отмечал О.Шпенглер, единство всякой культуры зиждется на общем языке ее символики. Каждый народ создает и почитает собственные национально-государственные символы. Они строятся на длительной традиции, в которой важное место занимают разного рода знамена, флаги и гербы, другие символы и атрибуты государственно-политической самоидентификации. Часть символов формируется спонтанно в процессе жизнедеятельности всех или большинства членов национального сообщества, а другая часть создается и целенаправленно внедряется элитами. Со времени возникновения национального государства политические лидеры создавали и использовали национальные символы для обоснования проводимого ими

политического курса. Министр иностранных дел Франции Ламартин говорил в 1848 г.: "Если вы отнимете у меня трехцветный флаг... то отнимете у меня половину мощи Франции как здесь в стране, так и за границей". То же самое можно сказать применительно к большинству государств современного мира.

Одно из центральных мест среди символов занимают национальные гимны, которые представляют собой официальные патриотические символы или, как пишет К.Серулоу, "музыкальный эквивалент девиза, герба или флага страны". Гимны, подобно другим национальным символам, становятся чем-то вроде визитной карточки нации. Они — современные тотемы — знаки, с помощью которых один народ отличает себя другого или подтверждает границы своей "идентичности".

Каждая страна имеет свой государственный или национальный флаг, олицетворяющий ее независимость, суверенитет и место в мировом сообществе. Показательно, что главы государств (президенты, монархи), вступая в должность, произносят клятву верности при обязательном присутствии государственного флага. Оскорбление флага в большинстве стран рассматривается как уголовно наказуемое деяние.

Флаг в сочетании с гимном и другими атрибутами государственности во многих странах превратился в эмоциональное воплощение нации. Можно привести примеры, когда граждане одной страны, выражая свое недовольство и протест действиями другого государства, публично сжигают флаг этого государства. Как правило, ни одна официальная церемония не обходится без государственного флага. Он водружается на зданиях резиденции главы государства и правительства. В дни официальных праздников государственный флаг вывешивается на общественных зданиях. Государственные флаги являются неизменным атрибутом при двусторонних или многосторонних переговорах между различными странами. Флаги перед зданием ООН символизируют страны входящие в эту международную организацию.

Государственный флаг каждой страны имеет собственную историю. Так, современный российский флаг в его нынешних цветах восходит к военно-морскому флагу, который впервые появился в 60-х годах XVII в. В конце XVIII в. он стал общепринятым. Так, его поднимали на ботике Петра I в 1688 г., на судах на Белом море в 1693 г., на кормах кораблей Азовского флота в 1697-1700 гг. В начале XVIII в. этот военно-морской флаг описывали так:

Флаг Его Царского Величества московского разделен на три части. Верхняя полоса белая, средняя синяя, нижняя красная. На синей полосе золотой с царской короной венчан двоголовый орел, имеющий в средней красной клеймо с серебряным св. Георгием без змия.

В выборе цветов немаловажную роль сыграла русская национальная традиция. У русских с незапамятных времен белый цвет воспринимался как символ свободы и величия, отсюда фольклорный "белый царь". Голубой считался цветом Богородицы. Как полагают исследователи, голубые балдахины патриархов во время крестных ходов указывали на их причастность к служению Богородицы. И наконец, третий из цветов объясняется пристрастием русских к красному цвету. В этой связи обращает на себя внимание то, что царские грамоты скреплялись печатью красного воска, под красным балдахином появлялись цари перед народом.

Бело-сине-красный флаг, переданный Петром I в 1705 г. торговому флоту, стал позже государственным флагом. В XIX в. белой, синей и красной полосам придали значение единства соответственно Белой, Малой и Великой Руси. Собственно Россия — Великая Русь — получила в этом толковании красный цвет. Следует отметить, что в трехцветном флаге, или Триколоре, цвета неоднократно менялись. Но все же в народном сознании утвердилось сочетание белого, синего и красного. Интересно, что эти цвета использовались при украшении ледяных горок на масленицу и балаганов на ярмарках, они появлялись при праздновании юбилеев Петра I. Именно бело-сине-красные флаги поднимали при открытии памятника Пушкину в 1880 г. в Москве, а также на Всероссийских художественно-промышленных выставках. Показательно, что царь Александр III перед своей коронацией 7 мая 1883 г. разрешил украшать здания бело-сине-красными флагами. Вопрос о сочетании цветов российского национального или государственного флага был окончательно решен в 1896 г. Тогда особое совещание при министерстве юстиции накануне коронации Николая II постановило, что национальным, или государственным, должен "окончательно считаться бело-сине-красный цвет, и никакой другой". Национальный бело-сине-красный флаг снова стал достоянием российского народа в 1989 г., когда он появился на несанкционированных митингах и демонстрациях в Москве и ряде других городов. По решению правительства РСФСР от 5 ноября 1990 г. о создании новой российской

символики, Чрезвычайная комиссия Верховного совета РСФСР постановила 21 августа 1991 г. "считать исторический флаг России — полотнище из равновеликих горизонтальных белой, лазоревой и алой полос официальным Национальным флагом Российской Федерации". Этот флаг был утвержден Съездом народных депутатов 31 октября 1991 г. При всех трудностях, переживаемых нашей страной, трехцветному флагу суждено стать символом объединения россиян.

Наряду с флагом каждая страна в представлениях как ее граждан, так и иностранцев отождествляется с ее гербом. Часто в качестве центрального элемента гербов выступают изображения растений и их элементов (например, у Ливана — кедр, у Канады — кленовый лист и т.д.), животных (лев у Великобритании), птиц (орел у США, Германии, России и т.д.). В последних двух случаях напрашивается аналогия с миром животных и птиц: подобно тому как среди зверей царствовал лев, а среди птиц — орел, в мире людей на вершине стоит король, император, царь.

Двуглавый орел — один из древнейших символов власти, верховенства и мудрости.

Изображения орла встречаются уже в Древнем Египте, на цилиндрических печатях Халдеи, датирующихся VI в. до н.э. В VII в. до н.э. двуглавый орел символизировал объединение Мидийского царства с Ассирией. В средние века золотой орел на красном поле стал одним из атрибутов Византийской империи. В XV в. черный орел на золотом фоне был гербом "Священной Римской империи немецкой нации".

Центральное место изображение орла занимает и в государственном гербе России. По данным ряда исследований, в России стремление представлять высшую власть над людьми приняло геральдическую форму в XV в. Изображение византийского золотого орла на красном фоне было заимствовано Русью после женитьбы великого московского князя Ивана III на племяннице последнего византийского императора Софии Палеолог. С тех пор российский герб постоянно подвергался изменениям. В последний раз он был изменен в 1856 г. в соответствии со специально принятым по этому поводу законом. Центральное место в гербе занимал двуглавый орел, изображенный на фоне геральдического щита, который держали архангелы — Михаил и Гавриил с мечом и крестом. Каждая из голов орла несла по короне, над которыми на некотором расстоянии возвышалась третья, значительно большая корона. Как указывалось в описании герба в законе 1856 г., на груди орла изображен

...герб московский: в червленом и золотыми краями щите святой великомученик и победоносец Георгий в серебряном вооружении и лазурной приволоке на серебряном, покрытом багряной тканью с золотою бахромою коне, поражающий золотого с зелеными крыльями дракона с золотым осьмиконечным наверху копьём.

В свою очередь сам геральдический щит, увенчанный императорской короной, был изображен на фоне "сени", или мантии, соединенной с шлемом Александра Невского. Над ним возвышалась еще одна корона, а над нею хоругвь с полным повторением всех названных выше изображений. Венчал хоругвь символ православия — восьмиконечный крест. Идею государства передавала надпись: "С нами бог". Этот девиз повторялся на шлеме Александра Невского и хоругви. Далее на гербе воспроизводился ряд других эмблем и символов, призванных передать все атрибуты и нюансы титулатуры российского царя и подчеркнуть его власть над 50 различными по политическому статусу и размерам, а также экономическому, культурному, конфессиональному и т.д. положению землями Российской империи.

Как известно, эта эмблема перестала быть государственным гербом сразу после октябрьского переворота 1917 г. и установления советского режима. Только в 1993 г. был утвержден новый герб Российской Федерации, в котором воспроизведены основные атрибуты традиционного государственного герба Российской империи. В соответствующих документах этот герб описывается следующим образом:

Государственный герб Российской Федерации представляет собой золотого двуглавого орла, помещенного на красном поле. Над орлом три исторические короны Петра Великого (две малые — над головами и над ним — одна большого размера). В лапах орла — скипетр и держава. На груди орла на красном щите изображение всадника, поражающего копьём дракона

Здесь корона — символ не монархии, как это было раньше, а суверенитета. Две головы орла символизируют то, что Россия, лежащая частично в Европе, а частично в Азии, всегда обращена одновременно и на Запад, и на Восток. Шарообразность державы призвана говорить о единстве государства, скипетр же символизирует власть. Всадник, поражающий дракона, — древний символ противоборства добра, побеждающего зло.

Национально-государственные символы и идеалы более или менее тесно связаны между собой, они взаимодополняют и поддерживают друг друга. Идеал не существует сам по себе, а выражается с помощью какого-либо документа, произведения искусства, изречения и т.д.

Например, первым и, пожалуй, фундаментальным символом американской нации и государственности является Декларация независимости, принятая Континентальным конгрессом 4 июля 1776 г. и объявившая о разрыве традиционных связей тринадцати колоний с Британской империей и создании независимого государства — Соединенных Штатов Америки. Большинство американцев рассматривает Конституцию как своего рода священный документ. Некоторые политологи приводят аналогию между ней и Библией, называя их теологическими документами, поскольку в глазах американцев Конституция, как и Библия, священна.

Выразителями национального духа, факторами, способствующими формированию национального самосознания, и в то же время воплощением лица страны могут выступать те или иные города. Так, когда речь идет о вопросах и проблемах политического характера, под Вашингтоном, как правило, подразумевают Америку вообще или же правительство США, подобно тому как при упоминании Москвы, Лондона, Парижа имеют в виду соответственно Россию, Великобританию, Францию.

Вряд ли есть необходимость доказывать, что та или иная совокупность национально-государственных и политических символов характерна для большинства стран и соответствующих политических культур.

16.6. Религиозный аспект политической культуры

Немаловажную роль в формировании и функционировании политических культур играет религия. Многие идеи, ценности, установки, связанные с религией, составной частью включаются в политическую культуру той или иной нации, страны, народа. Это объясняется тем, что религия, будучи частью национальной и исторической традиций народа, пронизывает его культурное наследие и соответственно не может не отразиться и на характере его политической культуры.

Нередко формирование той или иной нации, ее вступление на общественно-историческую арену обосновывается ссылками на некое божественное провидение. В поисках аргументов часто обращаются к Библии, особенно к тем ее местам, где говорится, что бог не только правит миром, но и избирает из среды всех народов только один, наделяя его своей благодатью. Другим народам и странам в этом мире отводится лишь роль фона, на котором разворачивается история этого, богоизбранного народа. История дает много примеров, свидетельствующих о том, что идея величия и богоизбранности была присуща чуть ли не каждому великому народу, особенно в период его восхождения.

Представим это на примере русского и американского народов. Так, автор "Сказания о князьях Владимирских", рассказав о преемственности мировых монархий древнейших царств до Римской империи, выводил основы современной ему власти от римского императора Августа. Согласно этому Сказанию, Русь является законной наследницей всех древних мировых монархий, а Рюрик, положивший начало династии Рюриков, правивших Русью до восхождения на престол династии Романовых, ведет свой род от римских императоров. Постепенно сформировалась идея Москвы как третьего Рима — наследницы Рима и Константинополя, столицы Восточной Римской империи.

Показательно, что наряду с символами самодержавия и народности в формировании и укреплении русского государства, а также завоевании им новых земель, стран и народов важную роль сыграла православная церковь. Она давала русским духовную опору, чтобы противостоять мусульманскому Востоку и католическому Западу, которые на разных исторических этапах представляли угрозу их религиозному и государственному существованию. Хотя принципы веры и не преобладали в ущерб политическим, религия часто использовалась для обоснования власти и притязаний сначала русских князей, а затем и московских царей.

Как будет показано в гл. 17, эти установки нашли свое воплощение в грандиозной концепции, рассматривавшей Москву как "новый Вечный город, наследницу Рима и Константинополя".

Идея величия и богоизбранности собственного народа была характерна и для американцев. В США с самого начала формирования американского национального сознания важнейшим его компонентом стало убеждение об особом пути развития Америки и ее роли в мировой истории. Казалось, что сама природа и мировоззрение эпохи предназначили английские колонии в Северной Америке для "великого эксперимента". Подобно более ранним утопиям, в воображении европейцев XVII—XVIII вв. Америка представлялась сказочным островом, отделенным от остального мира морями и океанами. Исторические и духовные вожди колоний, а затем независимого американского государства представляли дело таким образом, что американцы с самого начала преследовали ясную и осознанную цель претворить в жизнь идею божественного провидения — построить божественный "град на холме" — на американской земле. В конечном счете была сформулирована религиозная философия истории и прогресса, согласно которой Америка представляет собой высший этап развития человечества и последнюю лучшую надежду всех людей. Характерно, что, обосновывая исключительное место Америки в мировой истории, автор Декларации независимости США, третий президент Америки Т. Джефферсон, в 1785 г. предлагал изобразить на государственном гербе страны взятый из Библии образ сынов Израиля, идущих за лучом солнца. Почти все основатели Америки были глубоко убеждены в том, что ей уготована особая судьба, особая божественная миссия.

Приверженность американцев этой идее стала основой американского национального сознания и даже основой американской "имперской" идеологии. Уже в середине XIX в. попытки обосновать и практически реализовать идею о превосходстве и избранности Америки, ее миссии руководить миром были предприняты в так называемой доктрине предопределения судьбы или явного предначертания. В эту доктрину вошли популярные среди многих поколений американцев мифы о превосходстве и богоизбранности Америки. Ее сущность состоит в утверждении, будто судьба американского народа с самого начала предопределена самим богом и ему суждено стать образцом подражания для всех остальных народов земного шара. Следует отметить, что важнейшие положения этой доктрины на различных этапах истории использовались правящими кругами США для обоснования своей внешнеполитической стратегии.

Многие исследователи прямо связывают с религией республиканские и демократические институты Америки. Как утверждал еще известный французский общественный деятель и историк А. де Токвиль, истинной школой республиканских добродетелей в Америке была церковь. По его словам, религия представляла собой первый из американских политических институтов. Она была республиканской и демократической религией, которая не только включала республиканские ценности, но и давала первые уроки относительно того, как участвовать в общественной ни. Токвиль говорил, что нравы в большей степени, чем законы или физические обстоятельства, способствовали успеху американской демократии, а нравы коренятся в религии.

Следует отметить, что в той или иной форме подобная "божественная идея" прошла через историю почти всех существующих на земле народов и способствовала их консолидации в самые трудные для них времена.

Обращает на себя внимание тот факт, что религиозный и социокультурный традиционализм часто идут рука об руку с социально-философским и идейно-политическим консерватизмом. Религия всегда служила источником традиционных ценностей, будучи тесно связанной с культурной традицией как часть образа жизни в целом. Когда привычный образ жизни подвергается опасности, религиозные и моральные компоненты оказываются опорными пунктами его защиты. Поэтому вполне объяснима наблюдающаяся у отдельных категорий населения склонность сетовать в определенных ситуациях на упадок таких традиционных ценностей, как закон и порядок, дисциплина, сдержанность, консенсус, патриотизм. Конфессиональный фактор часто преобладал в прошлом, а в некоторых странах и в настоящее время над социально-классовыми приверженностями. Именно влияние клерикализма и конфессионализма на общественное сознание и соответственно на политическую культуру обусловило возникновение во многих странах Западной Европы клерикальных партий разных ориентации, роль и значение которых нельзя оценить однозначно.

Были и есть консервативные и даже реакционные конфессиональные партии и организации, но были и есть такие, которые выступали с позиций социального реформизма (например, социальное христианство). В наши дни христианская окраска помогла ХДС в ФРГ, ХДП в Италии и аналогичным партиям в других странах привлечь на свою сторону многих верующих. Наряду с консервативными в этих партиях есть и центристские, и либеральные фракции, выступающие за реформы (например, так называемые социальные комитеты в ХДС).

Часто религиозные ценности и понятия, особенно в условиях эрозии или догматизации осевой идеи, или осевого идеала, лежащего в основе той или иной цивилизации, оказывают на значительные категории людей облагораживающее воздействие. Они удерживают их от отчаяния и безысходности, оставляя приверженцами таких заповедей, как "не убий", "не укради", "возлюби ближнего своего" и т.д.

В периоды социально-политических неурядиц и потрясений, в смутные времена, когда нарушается привычный, устоявшийся образ жизни, многие люди находят утешение и убежище в религии. Наглядный пример этого — наша страна, где в настоящее время наблюдается всплеск интереса к религиозной вере, рост религиозного сознания, открываются воскресные церковные школы и т.д. Поэтому при изучении политической культуры нельзя игнорировать религиозное начало, являющееся важным фактором политической социализации.

16.7. Типологизация политической культуры

Простая констатация факта существования того или иного комплекса элементов, которые можно было бы объединить в категорию политической культуры, сама по себе не снимает вопрос, как эти элементы реализуются в конкретном политическом процессе, в поведении различных групп и слоев населения. Дело в том, что одни и те же политические установки, ценностно-нормативные ориентации и идейно-политические принципы у разных людей и социальных групп в конкретном политическом поведении проявляются по-разному. Поэтому в каждой политической культуре можно выделить совокупность черт и характеристик, которые придают ей определенный колорит, некоторую специфику. В рамках единой политической культуры выделяются отдельные субкультуры, в которых в той или иной концентрации преобладают конфессиональные, этнические, региональные или другие начала.

Это особенно важно учесть при оценке и характеристике политической культуры разных стран и народов. Необходимо исходить из факта существования многих региональных и национальных вариаций политической культуры. Скажем, нельзя говорить о единой модели политической культуры для Европы и Ближнего Востока, западного полушария и дальневосточного региона и т.д.

Каждой политической системе соответствует особая, собственная базисная модель (или модели) политической культуры, которая в каждой конкретной стране проявляется в специфически национальных формах. Как правило, важнейшие элементы каждой базовой модели характеризуются универсальностью и определяются общемировоззренческими установками и ориентациями людей независимо от их национально-государственной Принадлежности. В этом качестве в обобщенной, абстрагированной форме они составляют системообразующие компоненты политической культуры и разделяются большинством населения соответствующих стран.

Эти универсалистские компоненты в каждой отдельной стране проявляются в специфически национальных формах, что естественно, поскольку в формировании национального самосознания, самой национальной идентичности участвуют как универсалистские, так и сугубо национально-культурные элементы. Общественно-исторические, национально-культурные, географические, религиозные и иные особенности формирования и эволюции каждой нации и национального самосознания наложили глубокий отпечаток на содержание и форму ее политической культуры.

Все это предполагает необходимость выделения соответствующих моделей политической культуры. Уже авторы, впервые обратившиеся к данной проблематике, предложили собственные типологизации политических культур. Так, Г.Алмонд выделил гомогенный, фрагментированный, смешанный и тоталитарный типы.

По его мнению, в англосаксонских странах (США, Великобритании, ряде стран Британского содружества) господствует секулярная, *гомогенная* политическая культура. Она секулярна в том смысле, что для нее характерны сосуществование множества конкурирующих, но дополняющих друг друга ценностей, установок, ориентации, рациональный расчет при принятии решений и разрешении споров и конфликтов, индивидуализм, экспериментаторство и т.д. В то же время она гомогенна в том смысле, что подавляющее большинство субъектов политического процесса разделяет основополагающие принципы устройства существующей политической системы, общепринятые нормы и правила игры, ценности. Рольевые структуры — политические партии, заинтересованные группы, средства массовой информации — пользуются значительной самостоятельностью. Отдельные индивиды принадлежат одновременно к множеству взаимно пересекающихся групп. В итоге признается законность всех интересов и позиций, между ними

превалирует взаимная терпимость, что создает условия для прочного консенсуса и прагматического политического курса.

Политическая культура континентальных европейских стран также секулярна, но в то же время, как подчеркивал Алмонд, она *фрагментирована*. Во фрагментированной политической культуре среди различных группировок нет необходимого согласия относительно основополагающих правил политической игры. Общество разделено, или фрагментировано, на множество субкультур со своими ценностями, поведенческими нормами и стереотипами, часто не совместимыми друг с другом. В качестве наиболее характерного примера Алмонд приводит Францию в период Третьей и Четвертой республик и Италию, политическая культура которых была фрагментирована на противоборствующие субкультуры, укорененные в разных институтах. Групповые лояльности усиливали друг друга. Например, католики голосовали за партии католической ориентации, входили в католические профсоюзы, читали католические газеты и даже выбирали близких друзей среди католиков. Подобным же образом организовывали и ограничивали свои связи коммунисты. Способность заинтересованных групп, партий и средств массовой информации переводить потребности и требования в приемлемые политические альтернативы была сильно ограничена. В то же время взаимное усиление социальных, религиозных и политических лояльностей стимулирует противоречия между различными субкультурами. В результате для стран с этим типом политической культуры характерна политическая нестабильность.

Следующий тип Алмонд назвал *доиндустриальной смешанной* политической культурой, характеризующейся сосуществованием традиционных и вестернизированных институтов, ценностей, норм и ориентации. Речь идет о таких атрибутах западной политической системы, как парламент, избирательная система, бюрократия и т.д., которые в той или иной модифицированной форме наложены на традиционалистские реалии соответствующих стран. Как результат такого наложения возникает особый тип, который, используя терминологию М.Вебера, Алмонд назвал харизматической политической культурой. Она часто формируется в условиях эрозии традиционных норм, нарушения считавшихся священными обычаев и связей, роста чувства неустойчивости и неопределенности и т.д. В результате в поисках защиты и устойчивости люди обращают свой взор к харизматическому лидеру. Такое смещение создает сложнейшие проблемы с точки зрения коммуникации и координации в обществе. Здесь различные группы часто имеют совершенно разное видение стоящих перед обществом политических проблем. В итоге нестабильность и непредсказуемость являются не отклонением от нормы, а неизбежным результатом такой политической культуры. Она господствует в модернизирующихся развивающихся странах.

От всех названных типов, по Алмонду, радикально отличается *тоталитарная* политическая культура. Внешне она по своей гомогенности напоминает первый тип. Но здесь эта гомогенность искусственная, синтетическая. Поэтому отсутствуют добровольные организации и ассоциации, система политической коммуникации контролируется центром, невозможно сколько-нибудь приблизительно определить степень приверженности населения господствующей системе.

Развивая типологию Алмонда, У.Розенбаум выделяет фрагментированные и интегрированные типы политической культуры, между которыми находятся различные модели и промежуточные типы. *Фрагментированный* тип характеризуется отсутствием консенсуса относительно принципов политического устройства общества. Этот тип господствует в большинстве африканских и латиноамериканских стран, отчасти в северной Ирландии и Канаде. В его основе лежит заметная социальная, социокультурная, конфессиональная, национально-этническая и иная фрагментация общества. Это создает условия для идеологической непримиримости и бескомпромиссности между конфликтующими группами, препятствует выработке неких общепринятых правил политической игры и т.д.

Интегрированный тип отличается сравнительно высокой степенью консенсуса по основополагающим вопросам политического устройства, преобладанием гражданских процедур в улаживании споров и конфликтов, низким уровнем политического насилия, высокой степенью различных форм плюрализма (который нужно отличать от фрагментированности).

Согласно типологии, предложенной Д.Элейзаром, существуют три основных типа политической культуры: моралистическая, индивидуалистическая и традиционная. Другой американский политолог У.Блум обосновывал необходимость выделения только либеральной и коллективистской политических культур. Очевидно, что рассмотренные типологии обладают рядом достоинств, поскольку в них предприняты попытки выделить модели политической культуры исходя из факта существования у различных народов и стран специфических

национальных социокультурных, конфессиональных, традиционно-исторических и иных особенностей.

Но некоторые соображения говорят о необходимости корректировки этих типологизаций. Например, лишь с довольно серьезными оговорками можно принять схему Г.Алмонда и его коллег, которые пытались определить различия между гомогенной и фрагментированной политическими культурами по их способности обеспечить стабильность политической системы. Попытаемся пояснить данный тезис на конкретных примерах. В качестве типичного образца фрагментированной политической культуры как правило, приводилась итальянская. И действительно, результаты многих исследований показывают наличие в этой стране высокого уровня социального отчуждения и недоверия. Итальянцы скептически оценивают свои возможности влиять на политические институты и процессы, на принятие политических решений. Партийная система также фрагментирована на разного рода левые, центристские и правые партии, часть из которых находится в оппозиции к существующему социальному, экономическому и политическому порядку. О фрагментированности политической культуры свидетельствует, в частности, характерная для политической жизни Италии частая смена правительств.

Однако многие страны с фрагментированными, по типологии Алмонда, политическими культурами, политически стабильны. К примеру, консоциативные демократии в Австрии, Нидерландах, Швейцарии и Бельгии являются по своему характеру фрагментированными, так как состоят из нескольких, казалось бы, конфликтующих друг с другом субкультур. Так, в Нидерландах католики, кальвинисты и неверующие настолько серьезно конфликтовали друг с другом, что некоторые исследователи считали возможным говорить о существовании здесь трех самостоятельных субкультур или даже народов. А Швейцария — это единое сообщество, составленное в сущности из трех национальных субкультур. Невозможно не согласиться с утверждением, что в этих странах в течение всех послевоенных десятилетий степень политической стабильности, определенности и предсказуемости отнюдь не ниже, если не выше, чем в США, Великобритании и других странах с гомогенной или интегрированной политической культурой.

В то же время англосаксонская Канада, которая по схеме Алмонда должна принадлежать к гомогенному типу, часто сотрясается от конфликтов на национально-культурной почве, которые в последние два-три десятилетия не раз грозили государственной целостности этой страны. Что касается США, которые действительно отличаются высокой степенью политической стабильности, то не составляет секрета, что здесь серьезные исследователи выделяют целый ряд субкультур расово-этнического, национально-культурного, конфессионального и регионального характеров.

Рассмотрим другую характеристику — приверженность харизматическому лидеру — признак, который Алмонд считает достоянием доиндустриальной или смешанной политической культуры. Не требуется особых усилий, чтобы продемонстрировать, что харизматичность в различных ее формах и модификациях приобретает особую актуальность в наиболее развитых странах современного мира. Более того, харизматические лидеры и харизма как факторы, определяющие симпатии и антипатии избирателей и соответственно их выбор, стали важнейшими элементами политической культуры всех типов в эпоху информационной революции и электронных средств массовой информации. Что касается тоталитарного типа политической культуры, то харизма в крайних формах — поклонения вождю-фюреру — также является ее неотъемлемой составной частью.

Можно было бы привести немало других нестыковок, которые снижают убедительность рассмотренных типологизаций, но и высказанные аргументы достаточно наглядно указывают на необходимость нахождения более приемлемых критериев типологизаций политических культур современного мира. При этом главным условием является учет основных типов или моделей политических систем, в рамках которых формируются и функционируют соответствующие типы политических культур. Нельзя сказать, что Г.Алмонд и его коллеги полностью игнорировали этот момент. Но здесь, как было показано в гл. 4, проблема состоит в неприемлемости самого определения политической системы, которое ими предлагается.

С учетом приведенной выше типологизаций политических систем можно выделить следующие крупные типы, или модели, политической культуры: органическая, либерально-демократическая и смешанная. В рамках *органического* типа можно вычленить различные варианты авторитарной, тоталитарной, традиционной политических культур и субкультур. При всех расхождениях общим для них является господство коллективистских, групповых, общинных ценностей, приоритета публичного над частным, прав и свобод группы, коллектива над индивидуальными правами и соответственно подчинение личности коллективу. Для

носителей данного типа политической культуры характерны повышенные ожидания от государства, преувеличение его роли в жизни общества, зачастую доходящее до его мифологизации и даже обожествления.

Государство рассматривается как единый организм, в котором различные институты, организации, группы, отдельные люди играют подчиненную роль. В сфере взаимоотношений индивида и государства, правителей и управляемых преобладающие позиции часто занимают отношения патрон — клиент. Государство и его руководители оцениваются массой населения по их способности проявлять и реализовывать "отеческую" заботу о своих подданных. Имеет место та или иная степень персонализации политики и самого государства, когда последние отождествляются с личностями конкретных государственных деятелей, вождей, фюреров, "отцов нации" и т.д. Важное место (с существенными оговорками применительно к тоталитарной политической культуре) занимают традиция, обычай, норма. В наиболее жесткой форме некоторые важнейшие элементы данного типа проявились при тоталитарной системе с ее жестким подчинением всех сфер жизни всемогущему государству.

В большей степени данный тип распространен в развивающейся зоне современного мира — Азии, Африке, Латинской Америке. Однако авторитарные и тоталитарные его варианты в разные периоды утвердились во многих европейских странах — СССР, Германии, Италии, Испании, Португалии, Греции и др.

Либерально-демократический тип характеризуется плюрализмом в социальной, экономической, духовной, политической и других сферах жизни. Важнейшим его компонентом стала идея индивидуальной свободы, самоценности отдельной личности, прирожденных, неотчуждаемых прав каждого человека на жизнь, свободу и частную собственность. Центральное место здесь занимает убеждение в том, что частная собственность — основа индивидуальной свободы, а она в свою очередь рассматривается в качестве необходимого условия самореализации отдельного индивида. Особенно важны в данном случае идея идеологического и политического плюрализма и связанные с ним принципы представительства и выборности должностных лиц в государстве.

Приверженцы либерально-демократической модели политической культуры оценивают право, правовую систему как гарант индивидуальной свободы выбора по собственному усмотрению морально-этических ценностей, сферы и рода деятельности. Они считают, что закон призван гарантировать свободу личности, неприкосновенность собственности, жилища, частной жизни, духовную свободу и т.д. В обществе должен господствовать закон, а не люди, и функции государства состоят в регулировании отношений между гражданами на основе закона. Для них самоочевидной истиной являются право участия каждого члена общества и человека в политическом процессе, соблюдение определенных правил игры между политическими партиями, разного рода заинтересованными группами и т.д., смена власти в результате всеобщих выборов на всех уровнях власти, другие нормы и принципы парламентаризма и плюралистической демократии.

Эти и другие сущностные характеристики либерально-демократического типа политической культуры, который характерен прежде всего для индустриально развитых стран Запада, в разных национально-культурных условиях проявляются по-разному. Именно в этом контексте следует выделить гомогенный, фрагментированный, интегрированный, консенсусный, конфликтный и другие варианты политической культуры в рамках единого либерально-демократического типа.

Между этими двумя типами располагается целый спектр всевозможных национальных, региональных или иных вариантов и разновидностей политической культуры. Что касается предлагаемых Алмондом и его коллегами критериев, таких, как харизма фрагментарность, коллективизм, традиционность, индивидуализм, гомогенность, конфликт, консенсус и т.д., то их в тех или иных сочетаниях можно обнаружить почти во всех типах политической культуры. Их сочетание, интенсивность и значимость варьируются от модели к модели и в их рамках от одной национальной разновидности к другой. С этой точки зрения в современном мире, особенно с окончанием холодной войны и крахом тоталитарных систем, во многих случаях мы имеем дело со *смешанными* типами политической культуры. Например, если о чистом тоталитарном типе можно было говорить применительно к фашистской Италии и нацистской Германии 30-х годов, а также СССР примерно до 70-х годов, то в настоящее время речь может идти лишь о его остаточных элементах и явлениях у нас в стране и других постсоветских государствах, а также

Китае. Существенные авторитарные и традиционалистские пласты можно обнаружить в России, Китае, Японии, Испании и т.д. Поэтому предлагаемые модели политической культуры нужно понимать в смысле веберовских идеальных типов. Отсюда то разнообразие, сложность и многослойность, которые в рамках одной и той же модели обнаруживаются в конкретных национально-страновых реальностях.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Что такое политическая культура?
2. Как она соотносится с политическим сознанием?
3. Какое место она занимает в общенациональной культуре?
4. Как политическая культура соотносится с политической системой?
5. Назовите важнейшие составные элементы политической культуры.
6. Какое место в политической культуре занимают религиозное, символическое, мифологическое и иные начала?
7. Какие типы политической культуры существуют?